
ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

А. И. КОГАН

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ДОМУСУЛЬМАНСКОГО КАШМИРА

В статье анализируются причины цивилизационной катастрофы в Кашмире в XII–XIII вв. Анализ производится в рамках методологии социоестественной истории. Автор приходит к выводу: неспособность домусульманского кашмирского общества справиться с постигшим страну социально-экологическим кризисом объясняется тем, что существовавшая система отношений человека и природы обладала фундаментальным пороком – несоответствием между основной технологией и господствовавшей идеологией.

Ключевые слова: история Кашмира, история Индии, Кушанское царство, социоестественная история, гибель цивилизаций, «гидравлическое общество», орошаемое земледелие.

Среди основных понятий социоестественной истории важное место занимают понятия кризиса и катастрофы. По определению Э. С. Кульпина, «кризис – это когда обновленный, как после болезни, организм крепнет и здоровеет... Катастрофа – это когда организм погибает» (Кульпин 2014: 95). Выявление причин и исследование механизмов гибели социоприродных систем – этносов и суперэтносов – представляется нам чрезвычайно важным не только с теоретической и познавательной точек зрения. Социоестественные катастрофы, более известные как гибель цивилизаций, происходили не только в далеком прошлом, но и в близкие к нам времена. Более того, нет никаких оснований считать их невозможными в настоящем и будущем, вследствие чего знание внутренних и внешних факторов, способных представлять угрозу жизни цивилизаций, является весьма актуальным в наши дни. Получить такое знание,

вне всякого сомнения, можно лишь одним способом – изучая конкретный материал из истории погибших этносов и государств. Ниже мы попытаемся проанализировать в данном аспекте социально-экологическую катастрофу в средневековом Кашмире.

* * *

В Кашмирской долине (ныне часть индийского штата Джамму и Кашмир) в раннем Средневековье существовало процветающее экономически и мощное в военном отношении государство, являвшееся к тому же важным центром индийской культуры и учености. Основой его хозяйства было заливное рисоводство, обеспечивавшее высокие урожаи и, следовательно, уровень жизни. Вода на рисовые поля подавалась при помощи крупных гидротехнических сооружений, строительство и ремонт которых были прерогативой государства. Государство же руководило дренажными работами, крайне необходимыми в регионе, где весьма часто случались наводнения. В подобных условиях сильная центральная власть и высокий уровень государственного регулирования неизбежно становились гарантом успешного функционирования кашмирской экономики, а дестабилизация политической обстановки, даже кратковременная, не могла не приводить к резкому падению уровня благосостояния большинства населения¹.

В течение более чем четырех столетий (с VII до середины XI в.) Кашмир существовал в условиях относительной социально-экологической стабильности, лишь изредка нарушаемой непродолжительными внутренними неурядицами, с которыми государству удавалось успешно справляться. Однако во второй половине XI в. страна вступила в период комплексного кризиса, затронувшего как различные сферы социальной жизни (экономику, общественные отношения, идеологию), так и взаимоотношения человека и природы (Коган 2011а; 2011б). Пусковым механизмом этого кризиса стал рост демографического давления на землю, приведший к истощению почв, падению урожаев, массовому обнищанию сельских жи-

¹ Подробнее о хозяйственной системе раннесредневекового кашмирского государства см., например: Селиванова 1985; Коган 2011а. Весьма высокая степень зависимости экономического благополучия от стабильности центра (читай: от устойчивости трона) особенно наглядно проявилась в ходе событий начала X в., когда после смерти царя Шанкаравармана (883–902 гг.) в стране наступил период частых дворцовых переворотов. Всего 15 лет жизни в условиях чехарды слабых правителей обернулись для Кашмира массовым голодом.

телей и, как следствие, к сокращению налоговых поступлений в казну и значительным финансовым трудностям. Еще одним процессом, сопутствовавшим нарастанию аграрного перенаселения, были усиление и численный рост класса крупных землевладельцев². Эти последние, известные в Кашмире как *дамары*, стали контролировать весьма значительные финансовые и людские ресурсы, что позволило им стать опасными соперниками правящей царской династии в борьбе за власть.

Борьба между царями и *дамарами* довольно быстро приняла характер полномасштабной гражданской войны и продолжалась с небольшими перерывами без малого полтора столетия. Результатом ее были фактический крах централизованного государства и территориальный распад, что для Кашмира по указанным выше причинам означало также экономический и социальный коллапс. Затяжные боевые действия не могли не приводить к разрушению гидротехнических сооружений, а слабые, погрязшие в распрях цари не имели ни возможности, ни желания заниматься организацией восстановительных работ. Следствием такой ситуации были постоянные неурожаи и невиданный по масштабам голод, сопровождавшийся эпидемиями и опустошивший целый ряд районов страны (Селиванова 1985; Коган 2011б). Появление в пределах распавшегося кашмирского государства малонаселенных и вовсе обезлюдивших областей превратило его территорию в лакомый кусок для северных соседей – *дардов* (горцев Гиндукуша и Каракорума), живших в условиях обострившегося дефицита земельных ресурсов (Коган 2014а). В середине XII в. ими были предприняты попытки территориальных захватов в Кашмирской долине, не имевшие, впрочем, особого успеха.

Событием, резко изменившим дальнейший ход истории региона, было завоевание Кашмира монголами в XIII в. Одним из его последствий явилось политическое объединение значительной части страны с населенными *дардами* горными районами на севере и северо-западе, что закономерно стало фактором, обусловившим массовую миграцию горцев в долину. Миграционные процессы, длив-

² Рост крупного землевладения за счет скупки помещиками и другими зажиточными людьми земли многочисленных разорившихся крестьян является закономерным следствием усиления демографического давления на земельные ресурсы в аграрных обществах (Нефедов 2007).

шиеся, по-видимому, весь период монгольского владычества и завершившиеся уже после его окончания, привели к смене этнического состава населения, а также языка, культуры, типа хозяйства и преобладающей религии³. Последнее обстоятельство связано с тем, что жители домонгольского Кашмира исповедовали преимущественно индуизм и буддизм, в то время как прибывавшие с севера переселенцы были мусульманами.

Описанные здесь процессы едва ли могут быть охарактеризованы иначе, чем гибель цивилизации. Являлась ли в данном случае гибель неизбежной? Иными словами, была ли у домусульманского кашмирского этноса потенциальная возможность справиться с постигшим его социально-экологическим кризисом или же этот кризис в любом случае должен был перерасти в катастрофу? Если верно последнее, это будет означать, что сложившаяся в раннесредневековом Кашмире модель взаимоотношений природы и человеческого социума обладала некими «врожденными пороками», сделавшими катастрофический сценарий предрешенным. Если такие пороки действительно существовали, то в чем они заключались? Для того чтобы найти ответы на эти вопросы, необходимо проследить хотя бы в общих чертах генезис доисламского Кашмира как социоестественного феномена, то есть формирование в данном регионе триединой системы, включавшей природу, хозяйство и ментальность. Как всюду и всегда, формироваться такая система должна была в условиях тесного и активного взаимодействия исторических и географических факторов.

* * *

На протяжении большей части своей истории кашмирское государство территориально совпадало с географически четко очерченной областью – Кашмирской (Сринагарской) долиной. Эта долина представляет собой обширную межгорную котловину, расположенную между Большими и Малыми Гималаями⁴. Дно ее лежит

³ Тема монгольского господства в Кашмире и его последствий до недавнего времени интересовала почти исключительно специалистов по истории монголов, в силу чего целый ряд ее аспектов оставался недостаточно изученным. Попытка устранить этот пробел была предпринята в наших недавних исследованиях (Коган 2012а; 2012б; 2014б). Сделанные в них выводы используются в настоящей работе.

⁴ Подробное географическое описание Кашмирской долины см. в работах: Lawrence 1895; Пуляркин 1956; 1967.

на высоте около 1500 м над уровнем моря и занято аллювиальной равниной, по которой протекает главная водная артерия региона – река Джелам. В настоящее время, как и в прошлом, аллювиальная равнина является житницей Кашмира. Практически все пахотные земли здесь отведены под главную продовольственную культуру – рис. На склонах долины расположены древние террасы, известные в географической литературе под кашмирским названием *карева*. Максимальная высота этих террас превышает 3000 м над уровнем моря. *Каревы* непосредственно примыкают к склонам окружающих долину горных хребтов – Большого Гималайского и Пир-Панджала из системы Малых Гималаев. В отличие от поймы Джелама, на *каревах* почти не практикуется рисоводство, а основными зерновыми культурами являются ячмень, гречиха и кукуруза. Однако в древности и раннем Средневековье ситуация была иной (см. ниже).

Долина возникла на месте древнего озера, процесс усыхания которого был поэтапным и чрезвычайно длительным. Основная часть *карева* освободилась от воды в эпоху плейстоцена (Пуляркин 1956), в то время как дно долины оставалось затопленным, а следовательно, безлюдным еще в I тыс. до н. э. (Gaug 1987). Данный факт, по всей видимости, нашел отражение в исторических традициях древних и раннесредневековых кашмирцев. В санскритском сочинении «Ниламата-пурана», составленном в Кашмире предположительно в VI–VIII вв., приводится легенда, согласно которой на месте долины некогда было озеро Сатисарас, населенное змееподобными существами – *нагами* (The Nilamata... 1973)⁵.

Заселение Кашмира человеком началось несколько тысячелетий назад, о чем свидетельствует наличие на *каревах* неолитических стоянок⁶. Археологические данные указывают на значительную отсталость Кашмирской долины от сопредельных областей равнинной Индии. Неолит продолжался здесь еще во II тыс. до н. э. (Sharma 1982–1983), когда в соседнем Пенджабе уже процветала цивилизация долины Инда с ее развитой металлургией бронзы и крупными благоустроенными городами. Отставание сохранялось и

⁵ Впоследствии эта легенда перекочевала и в другие источники, в частности в хронику «Раджатарангини» («Волны царей»), написанную в XII в. на санскрите кашмирским поэтом Кальханой.

⁶ Наиболее известные из них – Бурзахом, Гуфкрал и Семтхан (Sharma 1982–1983; Gaug 1987).

тысячу лет спустя – в I тыс. до н. э. Показательно, что для этого времени археологами не прослеживаются никаких признаков наличия городских поселений. Не обнаружены и письменные памятники. Все это опять же заметно отличает Кашмир от расположенных неподалеку северо-западных районов Индо-Гангской равнины. Эти последние в IV–II вв. до н. э. входили в могущественную империю Маурьев, обладавшую как развитой городской жизнью, так и письменностью, свидетельством чему являются многочисленные надписи (эдикты), сделанные во всех частях огромного государства по приказу маурийского царя Ашоки (III в. до н. э.). Тот факт, что в Кашмирской долине не найдено ни подобных эдиктов, ни вообще каких-либо несомненных следов наличия в вышеуказанный период развитой государственности, заставляет усомниться в распространенной среди историков точке зрения, согласно которой данная область была завоевана Ашокой и находилась под его управлением⁷. Хотя полностью исключить наличие какой-либо формы зависимости кашмирских территорий от Маурьев, строго говоря, нельзя, следует признать, что если такая зависимость и существовала, она едва ли повлекла за собой далекоидущие экономические и культурные последствия⁸. Кашмир должен был в этом случае представлять собой отсталую окраину империи, оставшуюся во многом в стороне от достижений тогдашней индийской цивилизации.

Вместе с тем I тыс. до н. э., по всей видимости, было временем активизации контактов Кашмирской долины с соседними регионами Южной Азии. В частности, есть основания полагать, что именно в эту эпоху в Кашмир шел значительный миграционный поток с севе-

⁷ См., например: Бонгард-Левин, Ильин 1985; Vamzai 1973. Данная точка зрения базируется прежде всего на не вполне надежных сведениях раннесредневековых источников – путевых заметок китайского паломника-буддиста VII в. Сюань-цзана (Сюань-цзан 2012) и хроники «Раджатарангини». В последней Ашоке приписывается основание столицы Кашмира Сринагара (Kalhaṇa 1900a). В свете вышеупомянутых археологических фактов данное сообщение следует признать полностью легендарным: в эпоху Маурьев район нынешнего Сринагара, как и все дно Кашмирской долины, должен был постоянно или в течение значительной части года находиться под водой, что делало невозможным существование там постоянных человеческих поселений.

⁸ Следует, впрочем, отметить, что археология фиксирует для второй половины I тыс. до н. э. появление монет, по типу чеканки сходных с маурийскими (так называемые «клеименные монеты», см.: Gaug 1987). Однако данный факт, так же как и находки в Кашмире монет индо-греческих царей, нельзя считать надежным свидетельством радикальных культурных и политических перемен. Он вполне может объясняться наличием торговых контактов.

роиндийских равнин. На это указывает появление в некоторых его районах археологической культуры, известной как «культура северной черной лощеной керамики» (Gaug 1987). Основной ареал ее распространения включал Индо-Гангскую низменность и ряд прилегающих к ней областей Центральной Индии⁹. Климат кашмирских *карева* ввиду их большой высоты над уровнем моря был весьма суров. Поэтому освоение их новыми переселенцами и адаптация мигрантов к непривычным для них природным условиям должны были быть весьма трудным и продолжительным процессом. В этой связи небезынтересны сообщения «Ниламата-пураны», согласно которым в течение долгого времени после осушения озера Сатисарас люди могли жить на возникших на его месте новых землях только по шесть месяцев в году, после чего были вынуждены покинуть долину, и ее заселяли демоны (The Nilamata... 1973).

Быстрые и радикальные перемены в хозяйстве и культуре Кашмира начались около 2000 лет тому назад или немногим ранее. К этому времени завершился процесс освобождения от воды самых низких частей долины, благодаря чему доступными для заселения человеком стали районы с гораздо более благоприятным, чем на *карева*, климатом и плодородными аллювиальными почвами, на которых можно было заниматься высокопродуктивным земледелием. На этот же период пришлось и чрезвычайно важные внешнеполитические изменения: Кашмирская долина подверглась нашествию завоевателей из Средней Азии и вошла в состав Кушанского царства¹⁰ – могущественной империи, раскинувшейся на огромной территории от Приаралья до Центральной Индии.

⁹ «Культура северной черной лощеной керамики» в Пенджабе и долине Ганга наследует более ранней «культуре серой расписной керамики». Создателей последней некоторые исследователи идентифицируют с индоариями (Бонгард-Левин, Ильин 1985).

¹⁰ Кушанскому завоеванию, возможно, предшествовало еще одно вторжение с северо-запада – саков. Саки (среднеазиатские кочевые племена, родственные причерноморским скифам), проникнув в Северную Индию, создали там несколько политических образований, известных как индо-скифские царства. Считается, что одна из групп кочевников двигалась с севера на юг через Памир (Бонгард-Левин, Ильин 1985). Кашмирская долина в силу своего географического положения вполне могла оказаться на пути завоевателей и подпасть под их власть. Не исключено поэтому, что установление господства Кушан над Кашмиром было следствием разгрома ими крупного управлявшегося саками государства на севере и северо-западе Индии, известного в китайских источниках как Цзибинь. Завоевание его было осуществлено уже первым независимым кушанским царем Куджулой Кадфизом в I в. н. э. (Боровкова 2005).

Период кушанского владычества, продлившийся около трех веков, оставил после себя богатый археологический материал, на основании которого можно заключить, что данная эпоха ознаменовалась подлинным переворотом в большинстве сфер хозяйственной, общественной и культурной жизни Кашмира. Именно при Кушанах (то есть в начале христианской эры) возникают первые постоянные поселения на аллювиальной равнине (Gaur 1987), тогда же в Кашмирской долине появляются первые города, начинают интенсивно развиваться некоторые виды искусства, в частности скульптура (Shah 2012–2013; Gaur 1987). К кушанскому же времени относятся первые обнаруженные в регионе памятники письменности (надписи на печатях индийскими алфавитами *брахми* и *кхарошти*) и первые несомненные следы распространения одной из мировых религий – буддизма (Gaur 1987)¹¹. Есть все основания полагать, что именно присоединение к Кушанскому царству положило начало процессам, в конечном итоге превратившим Кашмир в важный культурный центр.

Распад Кушанской империи в III в., по всей видимости, не повлек существенных последствий для экономической, социальной и культурной жизни кашмирцев. Как показали результаты археологических раскопок многослойного поселения вблизи деревни Семтхан на юге Кашмирской долины, культурный слой, нижний горизонт которого вполне обоснованно относят к началу кушанской эпохи, охватывает более продолжительный период, чем последняя, и включает находки, надежно датируемые временем владычества гуннов-эфталитов (V–VI вв.)¹². Это означает, что многие черты хозяйства и культуры, сформировавшиеся в Кашмире при Кушанах, продолжали существовать и после окончания их политического господства, под властью династий, пришедших им на смену. К этим последним, помимо династии эфталитских царей, должны

¹¹ К таким следам относится, например, обнаруженная неподалеку от населенного пункта Семтхан терракотовая фигура стоящего бодхисатвы. Распространению буддизма должна была способствовать не только поддержка этого вероучения некоторыми кушанскими царями, но и установление тесных контактов Кашмира с соседними районами Северной Индии, в частности с Гандхарой, уже ставшей к тому времени одним из центров буддийской религии. Эти контакты неизбежно должны были существенно активизироваться в условиях политического объединения двух областей в границах единой империи.

¹² К ним относятся, в частности, монеты эфталитских правителей (Gaur 1987). Сам археологический период назван исследователями кушано-гуннским.

были относиться и их предшественники кидариты (IV–V вв.), некогда уничтожившие последние осколки кушанского государства. Хорошо известно, что и кидаритская, и эфталитская державы унаследовали от Кушан целый ряд элементов государственного устройства и материальной культуры, включая систему титулов и тип монетного чекана.

Государство эфталитов распалось после разгрома во второй половине VI в. объединенными силами Ирана и Тюркского каганата, а уже для первой половины VII в. мы располагаем надежными сообщениями о существовании самостоятельного кашмирского царства. Сообщения эти содержатся в упомянутых нами записках Сюань-цзана (2012), посетившего Кашмирскую долину в ходе своего длительного путешествия в Индию. Хотя хронологическая близость падения эфталитской империи и образования независимого Кашмира необязательно означает причинно-следственную связь между этими событиями, существование таковой в нашем случае вовсе не исключено. Некоторую ясность в этот вопрос может, по видимому, внести сопоставление данных нумизматики и летописных сведений, касающихся первой надежно засвидетельствованной в источниках династии кашмирских царей – Каркота (VII–IX вв.). Согласно сообщению «Раджатарангини»¹³, ее основатель Дурлабхавардхана до восшествия на престол служил конюхом у Баладितьи – правителя из предыдущей династии (Kalhaṇa 1900a). Один из названных в хронике предков Баладитьи носил имя Торамана. Данное имя, явно неиндийское по происхождению, идентично имени эфталитского царя конца V – начала VI в. Обнаруженные в Кашмире монеты Тораманы по типу чекана близки к эфталитским и кушанским (Vamzaī 1973). Все это может указывать на принадлежность Баладитьи к эфталитской знати или, по крайней мере, на тесную связь его предков с последней. Таким образом, взгляд на

¹³ Следует отметить, что анализ данных «Раджатарангини» для рассматриваемого периода сопряжен со значительными сложностями. Изложение в этой хронике событий до VIII в. крайне непоследовательно, изобилует сведениями легендарного характера, а хронология, по мнению историков, не выдерживает критики (Селиванова 1985). Именно в силу этого обстоятельства сделанные нами выше выводы базировались прежде всего на данных археологии. Вместе с тем представляется несомненным, что даже в первых книгах «Раджатарангини» упоминаются и бесспорные, известные из других источников исторические факты. К таким относятся, например, кушанское присутствие в Кашмире и завоевание страны эфталитским царем Михиракулой (Kalhaṇa 1900a). Поэтому полностью игнорировать сообщения хроники мы не видим веских оснований.

раннее кашмирское государство как на осколок державы эфталитов представляется не лишенным оснований. Учитывая же отмеченные выше факты, свидетельствующие об определенной культурной преемственности между эфталитами и империей Кушан, следует признать, что вопрос о кушанском наследии в независимом домусульманском Кашмире вполне правомерен и заслуживает детального рассмотрения.

Преемственностью с кушанской эпохой, возможно, объясняется близость раннесредневековых кашмирских стилей в архитектуре и скульптуре к гандхарским (Vamzai 1973). Гандхара была одним из главных центров Кушанского царства¹⁴, поэтому экспансия ее культуры в другие, в особенности соседние, области империи представляется вполне естественной. С характерным для кушанского времени влиянием ираноязычной Средней Азии, вероятнее всего, связано наличие в санскритских текстах из Кашмира административных терминов, заимствованных из иранских языков¹⁵. Все эти факты, однако, имеют лишь косвенное отношение к главному предмету социоестественных исследований – взаимодействию человека и природы и правилам такого взаимодействия – технологиям. Можно ли считать раннесредневековое кашмирское государство наследником Кушанской империи в технологической сфере? Этот вопрос как будто не привлекал должного внимания ученых и поэтому все еще остается слабоизученным. Тем не менее возможность его прояснить, на наш взгляд, существует. Помочь в этом может, в частности, реконструкция некоторых важных особенностей сельского хозяйства Кашмирской долины в древности и раннем Средневековье на основании результатов работы археологов и интерпретации некоторых из этих результатов палеоботаниками.

¹⁴ Гандхара – историческая область, охватывавшая районы по среднему течению Инда и к западу от него вплоть до Гиндукуша (ныне на северо-западе Пакистана и востоке Афганистана). Во второй половине I тыс. до н. э. она была важным центром буддизма, а кроме того, стала регионом интенсивных культурных контактов, приведших, в частности, к появлению оригинального стиля в искусстве, который характеризовался синтезом индийских, иранских и эллинистических традиций. В кушанскую эпоху расположенный в Гандхаре город Пурушапура (современный Пешавар), возможно, являлся одной из столиц империи.

¹⁵ К ним относятся, например, *divira* – «писец», *ganja* – «казна», *ganjavara* – «казначей», *dranga* – «застава, сторожевой пост». Эти слова употреблялись не только в Кашмире, однако примечательно, что регион их распространения ограничивался Северо-Западной Индией и частично Центральной Азией (Vingow 1934), то есть охватывает главным образом районы, находившиеся некогда под властью Кушан.

В 1980-е гг. индийскими учеными были исследованы остатки культурных растений, обнаруженных в ходе упомянутых выше раскопок близ Семтхана (Lone 1987; Lone *et al.* 1993). Результаты исследования показали, что временной отрезок между III в. до н. э. и X в. н. э. характеризовался постоянным возрастанием роли рисоводства. Данная тенденция видна по изменению доли риса среди найденных остатков злаков и может быть проиллюстрирована следующей таблицей¹⁶:

Исторический период	Доля риса, %
VI–III в. до н. э.	17,5
II–I в. до н. э.	23,5
I–V в. н. э.	28
VI–X в. н. э.	32,3

Приведенные в таблице цифры представляются особенно информативными при учете некоторых фактов географии. Рис в Кашмирской долине – единственная сельскохозяйственная культура, возделывание которой требует искусственного орошения. Поэтому по ее распространению можно судить о распространении и развитии ирригации. Селение Семтхан расположено на *карева*, приподнятом над окружающей его со всех сторон аллювиальной равниной. В I тыс. до н. э. (во всяком случае, на протяжении большей его части), когда дно долины оставалось затопленным, эта *карева* должна была представлять собой небольшой остров. В подобных условиях доставка воды на рисовые поля едва ли была сопряжена с большими сложностями, однако в дальнейшем постепенное усыхание прилегающих территорий не могло не делать ее все более трудной задачей. Поэтому а priori можно было бы предположить, что I тыс. н. э. должно было стать временем глубочайшего кризиса, а то и гибели рисоводства в районе Семтхана. В действительности же, как можно видеть из таблицы, рисоводство не только не исчез-

¹⁶ Таблица составлена нами на основании данных, приводимых в работах (Lone 1987) и (Lone *et al.* 1993). Авторы этих работ дают перечисленным ниже периодам («фазам») названия, привязывающие их к определенным событиям политической истории («индо-греческая фаза», «кушанская фаза» и т. д.). Однако поскольку некоторые из этих событий (например, распространение власти индо-греческих царей на Кашмир) не могут считаться надежно установленными, мы находим более приемлемым оперировать только абсолютными датами.

ло, но и переживало неуклонный подъем на протяжении более тысячи лет.

Орошение *карева* посредством удаленных источников воды возможно, однако чрезвычайно сложно с технической точки зрения и осуществимо исключительно при помощи крупных ирригационных сооружений¹⁷. В домусульманском Кашмире такие сооружения, как уже говорилось, существовали. К ним относились, например, большие каналы, доставлявшие талую воду с горных склонов, и системы водяных колес, позволявшие использовать для нужд ирригации водные ресурсы реки Джелам (Коган 2011а). Поскольку без использования подобных оросительных систем *карева* непригодны для выращивания риса, рассмотренные нами палеоботанические данные можно с полным основанием считать косвенным свидетельством того, что в I тыс. н. э. в Кашмирской долине велись масштабные гидротехнические работы. Такие работы, несомненно, были не под силу небольшим деревенским общинам и поэтому могли быть проведены только при активном участии государства. В силу этого обстоятельства следует признать, что ирригационное строительство не могло не оказывать влияния на формирование кашмирской социальной и политической системы.

Вопрос о влиянии орошаемого земледелия на общественное и государственное устройство был поставлен в исторической науке достаточно давно. Весьма детально он исследовался в работах германо-американского востоковеда-китаиста Карла Августа Виттфогеля, выделившего особый тип общества, названный им «гидравлическим» (Wittfogel 1957)¹⁸. «Гидравлическое общество» возникает в регионах, где ирригация обеспечивается крупными гидротехническими системами, строящимися и функционирующими при поддержке государства. Оно характеризуется сильной централизованной государственной властью, контролирующей все сферы жизни, включая экономику, и блокирующей появление любых конкурирующих сил. При этом в условиях преобладания мелких оросительных систем предпосылки для появления «гидравлического общества» отсут-

¹⁷ Именно этим следует объяснять тот факт, что в мусульманский и колониальный периоды кашмирской истории, когда крупных гидротехнических систем в долине почти не существовало, рис на *карева* не выращивался и земледелие там носило богарный характер.

¹⁸ В литературе используется также термин «гидравлическая цивилизация».

ствуют (Wittfogel 1957)¹⁹. Названные в начале данной работы основные характеристики доисламской кашмирской социально-экономической системы дают все основания считать ее удовлетворяющей «гидравлическим» критериям ничуть не в меньшей степени, чем изучавшаяся К. А. Виттфогелем традиционная китайская.

Вероятная связь возвышения сильного централизованного государства с развитием ирригации позволяет предположить, что в Кашмире данный процесс сопутствовал процессу распространения заливного рисоводства. Последний же, как следует из приведенной выше таблицы, в весьма значительной своей части пришелся на период владычества Кушан и их преемников – кидаритов и эфталитов (I–VI вв.)²⁰. Некоторые факты позволяют предположить, что кушанское господство играло для хозяйственных и политических изменений в Кашмирской долине роль катализатора. На основании данных археологии считается установленным, что в Кушанской империи строились мощные гидротехнические сооружения. Именно с эпохой Кушан связывают, например, прокладку крупных каналов и обводнение огромных площадей на юге Средней Азии и севере нынешнего Афганистана²¹, причем некоторые каналы были настолько велики, что могли служить судоходными артериями (Гулямов 1974; Зеймаль 1971; Ставиский 1977). Ввиду огромных размеров таких оросительных систем участие государства в их строительстве едва ли подлежит сомнению. Представляется маловероятным, что кушанские цари организовывали ирригационные работы лишь в какой-то одной части своей империи. Скорее всего, подобные работы велись везде, где земледелие нуждалось в искусственном орошении. К таким районам, несомненно, относилась и Кашмирская долина, где уже в первые века новой эры одной из основных продовольственных культур был рис.

Вопрос о том, в какой мере империя Кушан соответствовала критериям «гидравлической цивилизации», едва ли может быть

¹⁹ Такая ситуация, согласно Виттфогелю, существовала в Японии и античной Греции. Характерна она была, по-видимому, и для мусульманского Кашмира (Коган 2011а).

²⁰ Начало его, возможно, пришлось на период владычества саков.

²¹ В одной только левобережной части долины реки Вахш с помощью построенного в кушанский период магистрального канала Джуйбар было орошено 40 тыс. га пахотной земли (Зеймаль 1971).

окончательно решен ввиду недостатка сведений. Тем не менее отдельные факты позволяют внести в него некоторую ясность. В частности, данные эпиграфики дают основания полагать, что кушанская политическая система была централизованной и иерархичной. Согласно им, наместники областей (*satrapas* и *mahasatrapas*) назначались непосредственно царями, причем часто не из местного населения (Puri 1965; 1994)²². Пришлыми назначенцами были, возможно, также главы местных судов и полиции (*Ibid.*). Сходную картину рисуют и нарративные источники. Так, китайская хроника «Хоу Хань шу» («История династии Поздняя Хань») сообщает об индийских владениях Кушан следующее: «В Шэньду (Индии. – *А. К.*) несколько сот отдельных городов, учреждавших [своих] глав, и несколько десятков царств, учреждавших [своих] правителей. Хотя каждое [из них] немного и отличается от других, но все они называются Шэньду. В это время все подчиняются Юэчжи (Кушанскому царству. – *А. К.*). Юэчжи убило их правителей и назначило [своих] военачальников управлять их людьми» (цит. по: Боровкова 2005: 206). Власть царей, по всей видимости, не ограничивалась никакими совещательными органами (Puri 1965; 1994), а сама фигура монарха обожествлялась, на что указывает распространение среди кушанских государей санскритского титула *devaputra* («сын божества»). Одним из главных религиозных культов в империи был династийный культ Кушан (Ставиский 1977).

Все перечисленные здесь факты, полученные из разных источников, на наш взгляд, вполне однозначно указывают, что политическая и административная система Кушанской империи была благоприятна для формирования и успешного функционирования «гидравлического общества». Представляется несомненным, что эта система должна была в той или иной степени повлиять на общественное устройство всех народов, оказавшихся под властью Кушан. Кашмирцы в данном отношении представляют особый случай. Поскольку в докушанское время они, как было показано выше, видимо, не знали развитой государственности, применительно

²² Например, некоторые имена кушанских наместников североиндийских земель достаточно надежно определяются как бактрийские, а на гемме-печати одного из них предположительно изображены фигуры божеств, характерных для Бактрии. См.: Ставиский 1977, там же ссылки на соответствующую литературу.

к ним правильнее говорить не о влиянии кушанских политических и социально-экономических институтов, а об их заимствовании, пересадке на кашмирскую почву. Одним из следствий этой пересадки, вероятнее всего, и стали развитие крупной ирригации и связанный с ним рост производства риса. Таким образом, следует признать, что домусульманский Кашмир являлся наследником Кушанского царства не только в культурном плане, но и в весьма значительной степени в плане взаимодействия природы и общества. Данный вывод заставляет нас вновь вернуться к поставленному в начале работы вопросу о потенциальной способности раннесредневекового кашмирского этноса противостоять социально-экологическим кризисам. Как уже говорилось, ответить на этот вопрос можно, только имея представление об особенностях сложившейся в Кашмирской долине модели социоприродных отношений. Поскольку многое в этой модели было, вероятнее всего, унаследовано от эпохи Кушан, решение исследуемой нами проблемы не представляется возможным без попытки анализа применительно к Кушанской империи системы «природа – хозяйство – ментальность» и ее генезиса.

* * *

Необходимо отметить, что утвердившаяся в Кушанской империи политическая и экономическая модель едва ли могла в полной мере являться изобретением царей правящей династии. Исторически Кушаны были представителями одной из ветвей центрально-азиатского кочевого народа, обитавшего в I тыс. до н. э. у западных границ Китая и известного под китайским названием *юэчжи*. Во II в. до н. э. *юэчжи* потерпели поражение в войне с *хунну*, после чего часть их была вынуждена переселиться в Среднюю Азию. Там кочевники вступили в тесный контакт с Греко-Бактрийским царством и в конечном итоге установили над ним свою власть²³. На бывших греко-бактрийских землях ими были основаны города-

²³ По поводу этапов этого процесса среди историков нет единого мнения. Большинство ученых долгое время полагали, что *юэчжи* нанесли Греко-Бактрийскому царству военное поражение (см., например: Бонгард-Левин, Ильин 1985; Ставиский 1977). Данная точка зрения была, однако, оспорена российским исследователем Л. А. Боровковой. Проанализировав сообщения китайских источников, она пришла к выводу, что сначала *юэчжи* сами признали власть греко-бактрийских царей, а затем, когда государство последних фактически распалось, мирным путем установили над ним свое господство (Боровкова 2005).

ставки пяти князей-ябгу (в китайских источниках – *сихоу*). Один из этих городов-ставок с названием, известным в китайской передаче как Гуйшуан, и составил впоследствии ядро огромной державы. Жители бассейна Амударьи, ставшие в результате этих событий подданными *юэчжийских* правителей, были в огромном большинстве оседлыми земледельцами или горожанами. Навыками управления подобным населением *юэчжи*, несомненно, не обладали, и поэтому неизбежно должны были усвоить местную политическую и административную систему или, по крайней мере, целый ряд ее важных элементов.

Хотя Греко-Бактрийское царство возникло в результате распада империи Александра Македонского и ее осколка – государства Селевкидов, существовавшие там социально-экономические и административные институты были старше греко-македонского завоевания Средней Азии. Они являлись наследием господствовавшей в регионе в VI–IV вв. до н. э. древнеперсидской империи Ахеменидов. Известно, что ахеменидские управленческие традиции были во многом сохранены Александром и унаследованы эллинистическими государствами Азии (Дандамаев, Луконин 1980). По крайней мере часть этих традиций впоследствии, несомненно, восприняли Кушаны, на что указывают некоторые особенности административного устройства Кушанской империи, в частности деление страны на сатрапии (Puri 1965)²⁴, а также использование правителем древнеперсидского по происхождению титула «царь царей».

Ахеменидская Персия с ее централизованной административной системой и властной вертикалью с полным основанием рассматривалась К. А. Виттфогелем как пример «гидравлической» цивилизации (Wittfogel 1957). Во многих ее частях основой хозяйства было орошаемое земледелие. Ирригационные сооружения были крупными и большей частью принадлежали государству (Дандамаев, Луконин 1980). Государство же организовывало их строительство. По свидетельству Геродота, персидские цари лично руководили гидротехническими работами (Геродот 1972: 117). Данный порядок управления страной и ее экономикой, однако, также возник во многом как результат внешнего влияния, поскольку его ос-

²⁴ Примечательно использование в кушанском государстве самого термина «сатрап». Этот термин был заимствован из древнеперсидского языка в санскрит в форме *ksatrapa*. Применялся он и в Индо-скифском царстве.

новополагающие принципы были заимствованы древними персами в завоеванной ими Передней Азии, прежде всего в Нововавилонском царстве (Дандамаев, Луконин 1980). Таким образом, можно говорить о своеобразном процессе миграции некоторых черт общества, хозяйства и технологий, о передаче их «из рук в руки» от одних этносов и политических образований к другим. Начальной точкой «миграционного пути» была в данном случае Древняя Месопотамия, конечными – государства, продолжавшие традиции Кушанской империи. К числу последних можно с полным основанием отнести и Кашмир.

Важно, однако, отметить, что данный процесс затронул отнюдь не все сферы общественной жизни. В частности, он почти не коснулся идеологии и ее важнейшей части – религиозных представлений. Религия ахеменидского Ирана – маздаизм – является результатом трансформации верований древних арийских (индоиранских) племен и не связана по происхождению с религией семитского населения междуречья Тигра и Евфрата. Кушаны, восприняв через посредство греко-бактрийцев некоторые важные особенности древнеперсидской административной и экономической системы, в идеологическом плане ориентировались прежде всего на свои владения в Индии. Эта ориентация обозначилась уже во время правления первых кушанских государей²⁵ и постоянно усиливалась на протяжении всего существования империи. В эпоху своего максимального усиления при императоре Канишке Кушанское царство стало крупным центром буддизма²⁶ и сыграло первостепенную роль в распространении этой религии в Средней и Центральной Азии. В дальнейшем поддержкой монархов стало пользоваться также одно из направлений индуизма – шиваизм. Ревностным последователем этой религии был, например, царь Васудэва (предположительно 191–232 г. н. э.), сменивший на троне преемника Канишки Хувишку (Бонгард-Левин, Ильин 1985; Ставиский 1977;

²⁵ Монеты основателя единого кушанского государства Куджулы Кадфиза содержат надписи индийским письмом *кхарошти*, а также возможное указание на принадлежность царя к буддийской общине (Puri 1965). Его внук Вима Кадфиз, как можно судить по данным нумизматики, по всей видимости, поклонялся индийскому богу Шиве (*Ibid.*).

²⁶ Приверженность буддизму, однако, не мешала Канишке проводить политику веротерпимости. На его монетах изображался не только Будда, но и (гораздо чаще) божеества различных народов, населявших империю: иранские, индийские и греческие (Ставиский 1977).

Puri 1965)²⁷. Интересно, что традиция покровительства обоим вероисповеданиям в полной мере сохранялась в раннесредневековом кашмирском государстве (Селиванова 2005) и соблюдалась почти всеми правителями, среди которых были и шиваиты, и буддисты.

Идеологическая ориентация на Индию вовсе не ограничивалась религиозной сферой. Она отразилась на многих областях культуры и общественной жизни, следствием чего стало, в частности, использование индийских языков (северо-западного пракрита, а затем санскрита) в качестве официальных, глубокое знакомство с древнеиндийской литературой, с философскими и научными идеями, в том числе касающимися государственного устройства. Эти культурные процессы продолжались и после распада единой Кушанской империи. Чрезвычайно благоприятные условия для них, несомненно, существовали в Кашмире, поскольку эта область, подобно соседней Гандхаре, изначально была индийской в этническом и языковом отношении²⁸. Вместе с тем усвоение и творческое развитие достижений индийской культуры происходило здесь при сохранении унаследованных от кушанской эпохи характерных черт «гидравлической цивилизации». Данное обстоятельство заставляет нас поставить применительно к кашмирскому государству главный вопрос социоестественных исследований – *вопрос о совместимости технологии и идеологии*. С точки зрения СЕИ эти две важнейшие сферы жизни человеческого социума являются взаимосвязанными элементами единой системы. Как указывал Э. С. Кульпин, «когда идет естественный процесс формирования техники и технологии, то они соответствуют определенной системе ценностей, то есть в конечном счете идеологии» (Кульпин 2014: 175). Было ли такое соответствие присуще домусульманскому Кашмиру? Из рас-

²⁷ Санскритское имя этого царя свидетельствует о далеко зашедшем процессе индианизации Кушан.

²⁸ Нынешние жители Кашмирской долины говорят на языке кашмири, относящемся к дардской группе арийской ветви индоевропейской языковой семьи. Однако, как показали наши недавние исследования, распространение этого языка имело место относительно недавно, в Средние века, и, по всей видимости, явилось одним из следствий смены этнического состава населения в период монгольского владычества в XIII–XIV вв. В домонгольском (и доисламском) Кашмире говорили на одном из языков индоарийской группы, следы влияния которого обнаруживаются в современном кашмири (Коган 2016).

смотренных выше фактов следует, что господствовавшая в Кашмирской долине технология (заливное рисоводство, обеспечивавшееся крупными гидротехническими сооружениями) была по существу адаптацией определенных технологических принципов, возникших в Передней Азии, к местным условиям. Могли ли эти принципы образовывать гармоничное целое с идеологией, пришедшей из Индии?

Написание социоестественной истории индийского суперэтноса пока остается делом будущего, однако о некоторых важных его особенностях можно судить даже при нынешнем уровне знания. В частности, есть основания полагать, что традиционное государство в Индии не было сильным и централизованным. К такому выводу позволяет прийти, например, изучение древнеиндийского политико-экономического трактата «Артхашастра», в котором нашли выражение характерные для индийской цивилизации представления об идеальном государственном устройстве²⁹. Описанная в трактате административная система отличалась рыхлостью. Как пишут отечественные исследователи А. А. Вигасин и А. М. Самозванцев, «грань между чиновником, назначенным царем для управления областью, и правителем, владеющим территорией по праву наследования, была весьма неопределенной. Крупные государства возникали в результате внешних комбинаций как сложные иерархические структуры с наследственной властью царского рода, которому подчинялись местные князья. Стилль отношений в основной политической ячейке общества – владении мелкого властителя – почти не менялся с образованием державы» (Вигасин, Самозванцев 1984: 234). Локальные правители и главы общин, находившиеся на службе у царя, фактически исполняли функции госчиновников, профессиональный же бюрократический аппарат по существу отсутствовал (Лелюхин 1993; 2001). Монарху вменялось в обязанность привлекать к себе членов местных элит посредством даров, почестей и интриг³⁰, выстраивая при этом отношения с ними по

²⁹ Автором памятника традиционно считается Каутилья, главный советник царя Чандрагупты Маурьи (321–297 гг. до н. э.). Многие современные индологи, однако, считают данную точку зрения легендарной.

³⁰ Данный принцип, как можно видеть, резко контрастирует с теми, которые господствовали в империи Кушан. Ср. приведенную выше цитату из «Хоу Хань шу» о кушанских владениях в Индии.

строго установленным правилам, нарушение которых могло стоить трона и жизни (Вигасин, Самозванцев 1984; Лелюхин 1993; 2001). Влияние этих людей на правителя было, видимо, чрезвычайно велико. Не случайно при подготовке царевича к возведению на престол его рекомендовалось показать *махаматрам* (представителям царского окружения) со словами: «Он только знамя, вы же господа» (Лелюхин 2001: 19).

Многие нашедшие отражение в «Артхашастре» принципы государственного устройства, несомненно, существовали не только в теории, как часть идеального социального проекта. Как показал анализ индийской эпиграфики I тыс. н. э., наиболее важные из них использовались и в реальной политической практике (Лелюхин 2001: 19). Весьма существенным в данной связи представляется нам то обстоятельство, что эти принципы, по всей видимости, оптимально соответствовали господствовавшей в Индии технологии основного производственного процесса. Основой хозяйства большинства областей Индо-Гангской равнины и полуострова Индостан с глубокой древности являлось земледелие. Оно было главным образом неполивным, поскольку необходимую для полей влагу чаще всего в достаточной мере обеспечивали муссонные дожди³¹. В тех случаях, когда потребность в искусственном орошении возникала, она, как правило, удовлетворялась за счет мелких ирригационных систем. Последние обычно возводились крестьянскими общинами или частными лицами, нередко находились в частной собственности и становились объектами купли-продажи (Бонгард-Левин, Ильин 1985). В масштабных гидротехнических работах, организуемых властями, большая часть Южной Азии не нуждалась.

При весьма значительной зависимости урожаев от атмосферных осадков к государству, обществу и индивиду предъявлялись специфические требования. Одна из характерных особенностей индийского муссона – его слабая предсказуемость. Хотя в географической литературе и указываются даты наступления и окончания дождливого сезона для разных районов Индии, даты эти являются усредненными и реальные сроки начала и прекращения дождей могут отклоняться от них весьма существенно, иногда более чем на

³¹ Даже в XX в. более 80 % всех пахотных земель в Индии были неорошаемыми (Сингх 1980).

две недели (Сингх 1980). В таких условиях для поддержания приемлемого уровня жизни, а порой и для элементарного выживания, крестьянин должен был уметь не только прогнозировать (что необходимо для создания достаточных запасов продовольствия на случай неурожая и воды на случай засухи), но и действовать по обстоятельствам. Для того чтобы сельхозработы были в максимальной степени адекватны меняющейся погоде, сельскохозяйственный календарь должен был обладать определенной степенью гибкости, а принимаемые земледельцем решения – диктоваться не только существующим веками рутинным порядком, но и нередко требованиями текущего момента. В подобной ситуации появление мощного централизованного государства, пытающегося регулировать хозяйственный процесс, было бы скорее нежелательным, поскольку такое регулирование весьма часто работало бы во вред экономике. Иными словами, «гидравлическое» общественное устройство было нежизнеспособным в условиях равнинной Индии. Этим, вероятнее всего, объясняется тот факт, что сложившаяся в данном регионе хозяйственная модель вполне успешно пережила господство «гидравлической» империи Кушан.

Совершенно иное положение дел должно было сложиться в Кашмире. Малые Гималаи, отделяющие его от Индо-Гангской низменности, играют роль важного климатического рубежа. Они препятствуют продвижению муссона, который вследствие этого почти не оказывает влияния на кашмирский климат. Основная часть осадков в долине выпадает в зимние месяцы в виде снега (Пуляркин 1956; 1967). При этом вегетационный период основной продовольственной культуры – риса – приходится на конец весны, лето и начало осени. Поскольку возделывание этой культуры возможно только при искусственном орошении, рациональное использование водных ресурсов всегда было для кашмирских крестьян важнейшей задачей. Одно из теоретически возможных ее решений предполагало делегирование функций по распределению воды сильному государству³². Данная модель, установленная в регионе Кушанами, оказалась весьма эффективной. Однако, обеспечив стране экономиче-

³² Примечательно, что общество мусульманского Кашмира, проживая в том же вмещающем ландшафте, выбрало другой путь – создание мелких ирригационных систем, строящихся и обслуживаемых деревенскими общинами (Коган 2011а). Одним из следствий этого выбора стала, как уже говорилось, невозможность выращивания риса за пределами аллювиальной равнины.

ское процветание, она не создала для этого процветания устойчивой базы. Причиной тому был весьма существенный системный порок: «гидравлическое» хозяйство функционировало в условиях господства идеологии, сложившейся в «негидравлическом» регионе – на индийской равнине.

Подобная ситуация не могла не привести к появлению неустойчивого социоестественного образования, крайне уязвимо в условиях комплексного кризиса. В соответствии с одним из основных законов СЕИ – законом минимума диссипации энергии³³ – этническая система, попавшая в такие условия, первым делом пытается справиться с трудностями, оставаясь в рамках уже существующих представлений о мире и о себе. Это выражается, в частности, в определенном стремлении «навести порядок», привести жизнь в соответствие с принятыми в данном человеческом коллективе нормами, вытекающими из установившейся системы базовых ценностей и зафиксированными в господствующей идеологии. В доисламском Кашмире подобный путь выхода из кризиса, вероятнее всего, изначально был тупиковым. Утвердившаяся там идеология, придя извне, попросту не была приспособлена для решения местных проблем и не могла дать ответа на вопрос об оптимальном для страны общественном и хозяйственном устройстве. Следует, впрочем, отметить, что со стороны кашмирской элиты предпринимались попытки изменить это положение, предложив идеологическое обоснование для сильной центральной власти. Но эти несистематические попытки сводились либо к отдельным рекомендациям царям по управлению государством, либо же к простому возвеличиванию фигуры монарха³⁴. Между тем страна, несомненно, нуждалась в стройной политической, правовой и этической доктрине, положения которой, подобно положениям конфуцианства в традиционном Китае, регламентировали бы все стороны жизни человека в «гидравлическом обществе». Такая доктрина, однако, в Кашмире не сложилась, и сама возможность ее возникновения в условиях яр-

³³ О нем см., например: Кульпин 2014.

³⁴ В «Ниламата-пуране» говорится, что кашмирского царя следует считать рожденным от Хары (одно из имен бога Шивы) и всегда повиноваться ему (The Nilamata... 1973). В «Раджатарангини» устами царя Лалитадитьи (724–760 гг.) формулируются несколько принципов мудрого правления, среди которых недопущение междоусобиц и сдерживание процесса личного обогащения крестьян (Kalhaṇa 1900a).

ко выраженной ориентации на индийскую культурную традицию представляется сомнительной.

Принимая во внимание вышесказанное, не приходится удивляться тому, что во время междоусобных войн XII в. ни одна из воюющих сторон не делала каких-либо серьезных и эффективных шагов, направленных на восстановление мира и возрождение порядка, существовавшего прежде³⁵. Этот порядок не был ни освящен религией, ни прописан в трудах авторитетных ученых и философов. Его ценность, видимо, не осознавалась в должной мере большей частью кашмирского правящего класса. Такое положение вещей не могло не стать роковым для всего этноса и должно было сыграть решающую роль в перерастании социально-экологического кризиса в катастрофу.

* * *

Сделанный выше вывод представляется важным не только для социоестественной истории Кашмира. Нельзя исключить, что предполагаемый нами сценарий гибели этнической системы реализовывался и в других регионах земного шара. Несоответствие между преобладающей идеологией и технологией основного производственного процесса по определению не может не делать этнос уязвимым перед внешними и внутренними вызовами, а следовательно, должно являться одним из основных катастрофогенных факторов. Где, когда и насколько часто данный фактор оказывался главным? Ответить на этот вопрос, возможно, помогут дальнейшие исследования социоестественной истории различных цивилизаций.

Литература

Бонгард-Левин, Г. М., Ильин, Г. Ф. 1985. *Индия в древности*. М.: Наука. 758 с.

Боровкова, Л. А. 2005. *Кушанское царство (по древним китайским источникам)*. М.: ИВ РАН. 315 с.

³⁵ По свидетельству хрониста Кальханы, являвшегося очевидцем этих событий, некоторые влиятельные *дамары*, преследуя сиюминутные интересы, сознательно способствовали продолжению гражданской войны в стране (Kalhaṇa 1900b: 81). Любопытно отметить, что в «Артхашастре» разжигание распрей рассматривается как один из основных способов борьбы с политическими противниками (Вигасин, Самозванцев 1984; Лелюхин 2001).

Вигасин, А. А. Самозванцев, А. М. 1984. *«Артхашаистра»: проблемы социальной структуры и права*. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры. 256 с.

Геродот. 1972. *История*: в 9 кн. Кн. III. Л.: Наука. 600 с.

Гулямов, Я. Г. 1974. Кушанское царство и древняя ирригация Средней Азии. *Центральная Азия в кушанскую эпоху. Труды Международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху (Душанбе, 27 сентября – 6 октября 1968 г.)*. Т. I. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры. С. 118–122.

Дандамаев, М. А., Луконин, В. Г. 1980. *Культура и экономика Древнего Ирана*. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры. 416 с.

Зеймаль, Т. И. 1971. Древние и средневековые каналы Вахшской долины. *Страны и народы Востока*. Вып. X. *Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история*. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры. С. 37–57.

Коган, А. И.

2011а. Трансформация культуры и технология основного хозяйственного процесса в Кашмирской долине в VIII–XIX вв. *История и современность 1*: 114–128.

2011б. Социально-экологический кризис в Кашмире в XI–XII веках. В: Кульпин-Губайдуллин, Э. С. (ред.), *Природа и общество: общее и особенное: сб. материалов XXI международной конференции «Человек и природа. Проблемы социоестественной истории»*. М.: ИАЦ «Энергия». С. 105–127.

2012а. Еще раз о монгольских завоеваниях и монгольском владычестве в Кашмире. *История и современность 1*: 90–110.

2012б. Еще раз о монгольских завоеваниях и монгольском владычестве в Кашмире (окончание). *История и современность 2*: 75–92.

2014а. Кашмир и его соседи в XII–XIII веках. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность 4*: 37–47.

2014б. Некоторые проблемы истории Кашмирского султаната. *История и современность 1*: 87–108.

2016. *Проблемы сравнительно-исторического изучения языка кашмири*. М.: Фонд Развития фундаментальных лингвистических исследований. 208 с.

Кульпин, Э. С. 2014. *Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике*. Волгоград: Учитель. 336 с.

Лелюхин, Д. Н.

1993. Государство, администрация и политика в «Артхашаистре» Каутильи. *Вестник древней истории 2*: 4–24.

2001. Концепция идеального царства в «Артхашастре» Каутильи и проблема структуры древнеиндийского государства. В: Любимов, Ю. В., Лелюхин, Д. Н. (отв. ред.), *Государство в истории общества. К проблеме критериев государственности*. М.: ИВ РАН. С. 9–148.

Нефедов, С. А. 2007. *Концепция демографических циклов*. Екатеринбург: Изд-во УГГУ. 141 с.

Пуляркин, В. А.

1956. *Кашмир*. М.: Географгиз. 227 с.

1967. Природные условия и сельское хозяйство Кашмирской долины. *Страны и народы Востока*. Вып. V. *Индия – страна и народ. К 20-летию независимости Индии (1947–1967)*. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры. С. 195–208.

Селиванова, Т. П.

1985. *Социально-экономический строй средневекового Кашмира (по данным «Раджатарангини» Калханы, XII в.): дис. ... канд. ист. наук*. Л.: ЛГУ. 208 с.

2005. Буддизм в Кашмире по данным кашмирских исторических хроник. В: Пахомов, С. В. (ред.), *Вторые Торчиновские чтения. Материалы научной конференции. Санкт-Петербург, 17–19 февраля 2005 г.* СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 146–151.

Сингх, Г. 1980. *География Индии*. М.: Прогресс. 533 с.

Ставиский, Б. Я. 1977. *Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры*. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры. 296 с.

Сюань-цзан. 2012. *Записки о западных странах [эпохи] Великой Тан (Да Тан си юй цзи)*. М.: Вост. лит-ра. 463 с.

Bamzai, P. N. K. 1973. *A History of Kashmir, Political, Social, Cultural from the Earliest Times to the Present Day*. New Delhi: Metropolitan Book Co. (Pvt.) Ltd. 866 pp.

Burrow, T. 1934. Iranian Words in the Kharoṣṭhi Documents from Chinese Turkestan. *Bulletin of the School of Oriental Studies, University of London* 3(7): 509–516.

Gaur, G. S. 1987. Semathan Excavation: A Step towards Bridging the Gap between the Neolithic and the Kushan Period in Kashmir. In Pande, B. M., Chattopadhyaya, B. D. (ed.), *Archaeology and History. Essays in Memory of Shri A. Ghosh*. Delhi: Agam Kala Prakashan. Pp. 327–337.

Kalhana, M. A. S.

1900a. *Kalhana's Rajatarangini: a Chronicle of the Kings of Kashmir*. Vol. I. Books I–VII. Westminster: Constable and Co. 395 pp.

1900b. *Kalhana's Rajatarangini: a Chronicle of the Kings of Kashmir*. Vol. II. Westminster: Constable and Co. 555 pp.

Lawrence, W. R. 1895. *The Valley of Kashmir*. London: H. Frowde. 478 pp.

Lone, F. A. 1987. *Palaeo-Ethnobotanical Studies of Archaeological Sites of Kashmir*. Thesis Submitted for the Award of Degree of Doctor of Philosophy in Botany. Srinagar: University of Kashmir, Department of Botany. 354 pp.

Lone, F. A., Khan, M., Buth, G. M. 1993. *Palaeoethnobotany: Plants and Ancient Man in Kashmir*. New Delhi; Oxford: Oxford & IBH Publishing Co., PVT. Ltd. 278 pp.

Puri, B. N.

1965. *India under the Kushanas*. Bombay: Bharatiya Vidya Bhavan. 268 pp.

1994. The Kushans. In Harmatta, J., Puri, B. N. (eds.), *History of Civilizations of Central Asia*. Vol. II. *The Development of Sedentary and Nomadic Civilizations: 700 B.C. to A.D. 250*. Paris: Unesco Publishing. Pp. 239–255.

Shah, M. A. 2012–2013. Early Historical Archaeology in Kashmir: an Appraisal of the Kushan Period. *Bulletin of the Deccan College Research Institute* 72/73: 213–224. URL: <http://www.jstor.org/stable/43610698> (дата обращения: 25.04.2018).

Sharma, A. K. 1982–1983. Gufkral 1981: An Aceramic Neolithic Site in the Kashmir Valley. *Asian Perspectives* 2(25): 23–41. URL: <http://www.jstor.org/stable/42928083> (дата обращения: 25.04.2018).

The Nilamata Purana: A Critical Edition & English Translation / ed. by Kumari, Ved. 1973. Srinagar: The Jammu and Kashmir Academy of Art, Culture and Languages. 381 pp.

Wittfogel, K. A. 1957. *Oriental Despotism; a Comparative Study of Total Power*. New Haven: Yale University Press. 556 pp. URL: <http://hdl.handle.net/2027/heb.03224.0001.001> (дата обращения: 25.04.2018).